

О МОРФОЛОГИИ ИМЕН ГОВОРА ДЕРЕВНИ КУЗЬМОВЫР ИГРИНСКОГО РАЙОНА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Л.М. Ившин,

научный сотрудник отдела филологических исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
ivleo.75@mail.ru

Данная работа посвящена описанию некоторых морфологических особенностей имени говора д. Кузьмовыр Игринского района Удмуртской республики. В ней особое внимание уделено, с одной стороны, освещению языковых явлений, сближающих этот говор с соседними севернoudмуртскими и срединными говорами, с другой – описанию специфических особенностей, которые не характерны для этих диалектов.

Кузьмовырским нами условно назван говор удмуртов, проживающих в деревне Кузьмовыр Игринского района Удмуртской республики. В исторических документах починок Кузьмувырской встречается в 1859 г.: «На Сибирскомъ почтовомъ трактѣ изъ Перми въ Казань по лѣвую сторону этого тракта – Кузьмувырской поч[инок] (при ключѣ Кузмувырѣ)» (Списокъ 1876: 57). Название деревни происходит от слов *кузь* ‘длинный, долгий’ и *мувыр* ‘возвышенность, пригорок, холм’: ‘длинная (долгая) возвышенность’ (Атаманов 2015: 458).

Говор д. Кузьмовыр еще не был объектом специального исследования. По наиболее характерным морфологическим чертам он близок, с одной стороны, к севернoudмуртским говорам, с другой – к средневосточным, относящимся к срединным говорам. Кроме того, в языковой системе исследуемого говора выделяются некоторые специфические явления, не свойственные в целом вышеназванным говорам. Эти отличительные моменты, на наш взгляд, обусловлены историей формирования этого ареала. По сведениям переписных материалов XVII–XIX вв. и историческим документам, интенсивное заселение этого региона началось в XVII в. (Докум. 1958: 265). М.Г. Атаманов, опираясь на данные расселения воршуднородовых групп удмуртов, отмечает, что всю территорию Игринского райо-

на можно разделить между тремя крупнейшими родовыми группами – Эгра, Вортча и Пурга. Жители д. Кузьмовыр относятся к роду Эгра, который занимал территорию по реке Лозе. Родовая группа Эгра (Егра), по-видимому, первоначально проживала по р. Вятке, оттуда ушла в Карино (совр. Слободской район Кировской области), из Карино переселилась в Салю (совр. Игринский район Удмуртии), затем в с. Игру (Атаманов 2010: 104–106).

Большая часть анализируемого материала была собрана автором во время диалектологической практики в 1994–1995 гг. непосредственно от носителей описываемого говора, в основном от людей старшего возраста. Сбор материала проведен, главным образом, в ходе устного общения с коренными жителями деревни.

1. Существительное

1.1. Множественное число существительных в описываемом говоре образуется при помощи суффиксов *-ос* (в словах с основой на гласный) и *-йос* (в словах с основой на согласный), как и в большинстве других удмуртских говоров. Примеры-предложения: *со н'укын кыз'пуос гинэ будо*. 'В том логу растут одни березы'; *пуныос толон у'йбыт вузизы*. 'Вчера собаки выли всю ночь'. В некоторых среднечепецких (Карпова 2013: 39) и нижнечепецких (Тепляшина 1957: 130) говорах консонантный вариант суффикса употребляется также в словах, оканчивающихся на гласный.

Употребление показателей множественного числа не всегда связано с оппозицией единственного и множественного. Суффикс множественного числа может применяться:

а) при обозначении жителей населенных пунктов, а не множества самих населенных пунктов, например: *куз'мовырьёс* 'жители Кузьмовыра'. Пример-предложение: *байвалйос туэ гыронбыттонын ичи вал* 'Жителей деревни Байвал в этом году на празднике плуга было немного'.

б) в функции собирательности с собственными именами, выражающими родственные отношения: *зотикйос* 'члены семьи рода Зотик', *мартиос* 'члены семьи Марфы'. Пример-предложение: *ма, он'эййос татын трос гинэ уло*. 'Из рода Оней здесь многие живут'. Употребление формы множественного числа в подобных функциях описаны в соседних среднечепецких (Карпова 1997: 82–83) и средневосточных (Бушмакин 1971а: 207) говорах.

1.2. В рассматриваемом говоре, как и в литературном удмуртском языке, различается 15 падежей. В соседних средневосточных говорах их увеличение объясняется наличием своеобразного звательного падежа (Бушмакин 1971: 18), а в среднечепецких – функционированием особых местных падежей с элементом *-н'* (Карпова 1997: 85–89; 2013: 40–41; 2016: 210–211).

Из всех падежей в кузьмовырском говоре реже по сравнению с другими удмуртскими диалектами встречается аппроксиматив. Формам этого падежа со значением направления по месту или времени чаще всего соответствует сочетание существительного в номинативе с послелогом *пала* ‘по направлению’: *с'ик пала* ‘по направлению к лесу’, *бусы пала* ‘по направлению к полю’. Пример-предложение: *кабанъёс зег пёлти кёшкэманн'ук пала вас'кизы*. ‘Кабаны по ржаному полю пошли по направлению к логу Кёшкэманн'ук’. Данное явление фиксируется исследователями также в говорах среднечепецкого диалекта (Карпова 1997: 90; 2013: 42).

1.3. Для выражения цели, причины, мотива действия вместо датива южноудмуртских говоров с показателем *-лы* в рассматриваемом говоре выступает сочетание существительного в номинативе с послелогом *дурэ* ‘за, для, ради’: *н'ан' дурэ* ‘за хлебом’. Пример-предложение: *пичи дырйамы оччы кучкулад дурэ вэтлис'ком вал*. ‘Когда мы были маленькими, туда за щавелем ходили’. В говорах среднечепецкого диалекта также используется подобное сочетание, только с послелогом *понна* ‘за, для, ради’ (Карпова 1997: 89).

1.4. Из суффиксов субъективной оценки встречаются *-и* (в именах, обозначающих родственные отношения, и личных именах): *баби* ‘ласковое обращение к бабушке’, *пет'и* ‘Петенька’ и *-(й)ок* (для выражения ласкательности с некоторым оттенком уменьшительности): *пийок* ‘сын, сыночек’, *нылок* ‘дочка, доченька’. В среднечепецких диалектах исследователи отмечают и другие суффиксы: *-ка* (*иринка* ‘Иринка’) и *-уш* (*над'уш* ‘Наденька’) (Карпова 1997: 101–102), которые в исследуемом говоре не употребляются. В тыловайском говоре встречается другой суффикс субъективной оценки – *-у*: *л'уду* ‘Людочка’, *л'эну* ‘Леночка’ (личное сообщение Л. Л. Карповой), также нехарактерное кузьмовырскому говору.

1.5. Своеобразным в описываемом говоре является отсутствие специфических суффиксов со значением ‘место действия’ *-н'и* и *-ти*, которые употребляются в соседних средне-восточных (*-ти* – якшур-бодьинский, западная часть сосновского говоров; *-н'и* – шарканский, восточная часть сосновского говоров) (Бушмакин 1969: 61–62), прикильмезских (суффикс *-ти*) (Загуляева 1980: 106) и верхнечепецких (суффикс *-н'и*) (Алашеева 1982: 92) говорах, а также в среднечепецком диалекте (суффикс *-н'и*) (Карпова 1997: 99–100). Суффикс *-н'и* является специфичным формантом для северных диалектов удмуртского языка, а *-ти* характерен в большей степени для срединных говоров. Функции этих суффиксов в рассматриваемом говоре выполняют слово *инты* ‘место’ и русское заимствование *мэста* ‘место’ (последнее – чаще всего): *визнан инты* ‘место, где рыбачат’; *губийан мэста* ‘место, где собирают грибы’, что характерно и дебесским говорам

(Карпова 2016: 201). Пример-предложение: *с'икын ал'и вэзд'э куйас'кон меса лэс'то*. 'В нынешнее время в лесах повсюду свалку устраивают'.

2. Прилагательное

Данная часть речи в кузьмовырском говоре, как и в удмуртском литературном языке, имеет три степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную.

2.1. Сравнительная степень образуется чаще всего присоединением к основе прилагательного суффикса *-гэм* (реже – *-гэс*): *зёкгэм* 'толще', *мургэм* 'глубже'. Пример-предложение: *бэн, мил'ам скалмы таулэс' пэймытгем*. 'Да, наша корова темнее, чем эта'. В соседних средневосточных говорах (Бушмакин 1969: 63–65) наблюдается употребление суффиксов сравнительной степени *-гэзгэм* или *-гэмгэс*, *-жожья* и *-жык*, а в среднечепецком диалекте (Карпова 2013: 45) – *-гэсгэм* или *-гэмгэс*.

2.2. Для выражения превосходства качества сравниваемого предмета используются усилительное слово *са'мой* 'самый', причем прилагательное при этом чаще всего оформляется выделительно-указательным суффиксом: *са'мой жуужытэз кыз* 'самая высокая ель'. Пример-предложение: *оскод-а, уд-а, мыным папэд са'мой баэжымзэ йаблоксэ с'отиз*. 'Поверишь ли, мне твой отец дал свое самое большое яблоко'. В соседних средневосточных говорах (Бушмакин 1971: 19) также употребляется лексема *са'мой* 'самый', только имеется некоторое различие: прилагательное не оформляется выделительно-указательным суффиксом. В других говорах северного наречия, например в нижнечепецких и среднечепецких (Карпова 1997: 109, Тепляшина 1970: 170), кроме указанного слова, для выражения превосходной степени используется слово-усилитель *с'эк* (< рус. *всех*).

Другим средством выражения превосходной степени в кузьмовырском говоре являются препозитивные местоимения *ва'н'мыз* 'все' и *ко'т'кин* 'хоть-кто, любой' в аблативе в сочетании с прилагательным в положительной степени: *ва'н'мызлэс' трос с'ииз* 'он (она) больше всех съел(а)', *ко'т'кинлэс' трос пудозы* 'у них больше всех скотины'. Употребление подобных местоимений (*вича'к* 'все', *ко'т'кин* 'хоть-кто, любой', *ко'т'ма* 'хоть-что') отмечается в среднечепецком диалекте удмуртского языка (Карпова 2013: 45).

2.3. Модератив (степень неполного качества) в рассматриваемом говоре образуется в основном при помощи суффикса *-алэс* (реже – *-мыт*): *курыталэс* 'горьковатый', *гордмыт* 'красноватый', причем ударение ставится на конечный слог. Пример-предложение: *йа, пийэ, вит'-ай, кытын кэ татын лызмыт кн'ига вал*. 'Ну, сынок, подожди-ка, где-то здесь синеватая книга была'. Показатель *-мыт* может присоединяться лишь к именам при-

лагательным, обозначающим цветовой признак. В среднечепецких говорах (Карпова 2013: 46), кроме указанных выше формантов, функционируют еще следующие суффиксы: *-пыр*, *-прэс*, *-гэс* и *-галэс* (< *-гэс* + *-алэс*). В нижнечепецком и верхнечепецком диалектах для выражения неполного качества отмечаются суффиксы *-мыт* и *-алэс* (Карпова 2016: 213).

2.4. Интенсив (высокая степень качества) в исследуемом говоре выражается двояко: 1) присоединением к положительной форме прилагательного следующих усилительных слов: *дото́во* ‘очень, слишком, чрезмерно’, *л'э́кос* ‘очень, слишком, исключительно’, *ту́ж* ‘очень’, *ту́жсын* ‘очень’, *у́кыр* ‘чрезмерно, чересчур’: *дото́во л'э́к пуны* ‘очень злая собака’, *л'э́кос ба́ньым бусы* ‘слишком большое поле’, *ту́жсын зё́к ну́жым* ‘очень толстая сосна’, и 2) редупликацией основ: *во́ж-во́ж ту́рын* ‘зеленая-зеленая трава’ *чю́ж-чю́ж с'ас'ка* ‘желтый-прежелтый цветок’. Пример-предложение: *у́кыр пёс' гу́жэм ды́рья ы́жйосыд, бы́жзэс у́рдыса, ворт-тыса кы́йюс улэ́ пег'зо*. ‘Когда чересчур жаркое лето, овцы-то, задрав хвосты, бегут под ели’. Кроме того, различные степени высокого качества образуются при помощи изобразительных слов и основной формы прилагательного: *т'о́м-т'о́м пэй́мыт уй* ‘очень темная ночь’, *чил' с'о́д йы́рс'и* ‘черные-черные волосы’. Из всех перечисленных средств выражения интенсива чаще употребляется первый – использование усилительных слов. В северных диалектах удмуртского языка функционируют и другие усилительные слова: *йун* ‘очень’, *раттэм* ‘очень, слишком’ – в среднечепецких говорах (Карпова 2013: 47), *орччит*, *тыпыл'а́к*, *кё́шкэм*, *бэ́да*, *прё́ч* с общим значением ‘очень, слишком, исключительно, чрезвычайно’ – в нижнечепецких (Тепляшина 1970: 170), которые для кузьмовырского говора не характерны.

3. Числительное

3.1. Для говора деревни Кузьмовыр не свойственны формы выражения дробных числительных с формантом *-мос*. Дробные величины, как правило, образуются описательным способом, например: *к'уйн' вэ́дрэз н'ыл' л'ук-этлы́ л'ук но́ учкы́ – бы́дэсэн уз ты́рмы ни*. ‘Три ведра на четыре части раздели и посмотри – по целому не наполнится уже’. Смешанные дроби в речи среднего и старшего поколения употребляются лишь с половинными долями – со словом *жыны́* ‘половина’: *4,5 – н'ыл' но́ жыны́* ‘четыре с половиной’, *6,5 – к'у́ат' но́ жыны́* ‘шесть с половиной’. С остальными дробными величинами смешанные дроби не используются.

3.2. Собирательные числительные в описываемом говоре образуются как синтетическим (при помощи суффикса *-на-* и лично-притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица мн. числа), так и аналитическим способом

(сочетанием числительного и слова *куз'а* 'вместе, совместно'): *кыкна·мы* ~ *кык куз'а* 'мы вдвоем', *н'ыл'на·ды* ~ *н'ыл' куз'а* 'вы втроем'. Пример-предложение: *вит'на·зы ик турын пöлы ватскил'лам*. 'Они все впятером спрятались, оказывается, в траве'. Надо заметить, что наиболее распространенной формой выражения, как и в среднечепецком диалекте (Карпова 2013: 49) (правда, там вместо *куз'а* употребляется слово *çошэн* или *çо çэн*), является аналитический тип, который свойствен в основном североудмуртским диалектам, а также кукморскому и шошминскому говорам.

3.3. Порядковые числительные в кузьмовырском говоре выступают с суффиксом *-э·ти* (ударение при этом всегда падает на первый слог суффиксального показателя): *к'уйн'э·ти* 'третий', *укмысэ·ти* 'девятый', как и в соседних верхнечепецких говорах. В среднечепецком диалекте согласный *т* суффикса смягчается (Карпова 2013: 49).

На современном этапе вследствие непосредственного контакта удмуртского и русского населения удмуртские числительные заменяются русскими независимо от возраста говорящего (особенно при обозначении дат): *мон д'эвэццот трина·ццэтом году вордскэмын*. 'Я родился в [тысяча] девятьсот тринадцатом году'.

4. Местоимение

В исследуемом говоре выделяются те же разряды местоимений, что и в удмуртском литературном языке. Имеются некоторые особенности, сводящиеся к следующему.

4.1. Аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа образуется с помощью суффикса *-ды*, 3-го лица – *-ты*: *мил'эмды* 'нас', *тил'эдды* 'вас', *соосты* 'их'. Пример-предложение: *война дыр'иа мил'эмды кэкоранэ чугун с'урэс лэс'тыны кэл'азы*. 'Во время войны нас послали строить железную дорогу в Кекоран'. В среднечепецких говорах в 1-м и 2-м лице употребительны три параллельные формы: с аффиксами *-эсть*, *-дь* и *-эс* (Карпова 2013: 50), а третье лицо совпадает, за исключением гласного суффикса.

4.2. Датив личных местоимений 1-го и 2-го лица имеет усеченную форму, тогда как в других диалектах, особенно южных, он употребляется с падежным показателем *-лы*: *мил'эм* 'нам', *тил'эд* 'вам'. Пример-предложение: *сос'эд туннэ тил'эд турын вайоз*. 'Сосед сегодня вам сено привезет'. В среднечепецких говорах форма дательного падежа также имеет усеченную форму (Карпова 1997: 119; 2013: 50).

4.3. Аппроксиматив личных местоимений в кузьмовырском говоре имеет тенденцию к исчезновению. Формы *монлан'* 'по направлению ко мне, в сторону меня', *тилан'* 'по направлению к вам, в вашу сторону' упо-

требляются в основном в речи пожилого населения и заменяются на конструкции с послелогом: *ми пала* ‘по направлению к нам, в нашу сторону’. Данное явление характерно также для других диалектов северного наречия удмуртского языка, например среднечепецких говоров (Карпова 2013: 50).

4.4. Усилительно-личные местоимения ничем не отличаются от соответствующих форм местоимений литературного удмуртского языка и большинства срединных и южных говоров: *ачим* ‘я сам’, *ачид* ‘ты сам’, *ачиз* ‘он сам’, *ас'мэос* ‘мы сами’, *ас'тэос* ‘вы сами’, *ас'сэос* ‘он сами’, тогда как в отдельных диалектах северного наречия – глазовском (Лыткин, Тепляшина 1959: 224), нижнечепецком (Тепляшина 1970: 177), среднечепецком (Карпова 1997: 120; 2013: 51) – эти местоимения во множественном числе имеют несколько иное фонетическое оформление: *ачимэс* ~ *ачымэс* ‘мы сами’, *ачидэс* ~ *ачыдэс* ‘вы сами’, *ачизэс* ~ *ачызэс* ‘они сами’.

4.5. Некоторые исследователи отмечают употребление притяжательно-го местоимения *аслам* в значении ‘мой, наш’ в нижнечепецких и среднечепецких говорах вместо *мынам* ‘мой’, *мил'ам* ‘наш’ других удмуртских диалектов (Тепляшина 1970: 175; Карпова 1997: 125; 2013: 51). В описываемом говоре данное явление не зафиксировано.

4.6. Кроме исконно удмуртских местоимений в речи носителей кузьмовырского говора широко функционируют и русские заимствованные местоимения типа *с'а-кой* ‘всякий’, *л'убой* ‘любой’, *ка-ждой* ~ *ка-ждый* ‘каждый’. Эта особенность является также характерной чертой среднечепецкого диалекта северного наречия (Карпова 1997: 127; 2013: 51).

5. Выводы

Сопоставляя морфологические особенности кузьмовырского говора, мы приходим к выводу о том, что в целом он (говор) ближе к северным диалектам удмуртского языка, чем к срединным говорам, поскольку большинство отмеченных явлений в той или иной мере находят отклик в северном ареале проживания удмуртов, а именно: 1) способ выражения превосходной степени имени прилагательного, 2) усеченная форма датива личных местоимений 1-го и 2-го лица и 3) замена аппроксиматива личных местоимений на конструкции с послелогом.

С другой стороны, для кузьмовырского говора характерны несколько явлений, которые сближают его со срединными говорами: 1) отсутствие палатализации *t* суффиксом *-эти* в порядковых числительных и 2) употребление усилительной частицы *ин*.

Но в то же время хочется отметить, что говор д. Кузьмовыр – это самостоятельный языковой островок, являющийся промежуточным между северными и срединными диалектами со своими специфическими особенностями.

стями: 1) функционированием 15 падежей, 2) отсутствием суффиксов со значением 'место действия' *-н'и* и *-ти* и др.

Таким образом, описанный говор по своим морфологическим особенностям является частью верхнечепецкого диалекта севернудмуртского наречия удмуртского языка.

Условные сокращения:

вч. – верхнечепецкие говоры (верхнечепецкий диалект), *деб.* – дебесские говоры, *кез.* – кезские говоры, *лит.* – удмуртский литературный язык, *рус.* – русский язык, *ср.* – срединные говоры, *сч.* – среднечепецкие говоры (среднечепецкий диалект), *тыл.* – тыловый говор (тыловый диалект), *удм.* – удмуртский язык, *юж.* – южные говоры (южный диалект)

***

Алашеева А.А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 91-105.

Атаманов М.Г. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.

Атаманов М.Г. Язык земли удмуртской : историко-этимологический словарь топонимов Волго-уральского региона = Удмурт музъемлэн аснимъёсыз : Волгаен Урал ёросвыльёсысь интынимъёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2015. – 976 с.

Бушмакин С.К. Морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка // СФУ. – 1969. – № 1 (V). – С. 59-69.

Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. – Тарту, 1971. – 28 с.

Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск; М., 1971а. – 397 с.

Докум. 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1958. – 420 с.

Загуляева Б.Ш. Морфологические особенности прикельмезских говоров // ФУ. – № 6. – 1980. – С. 103–109.

Карпова Л.Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997. – 223 с.

Карпова Л.Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. – Ижевск, 2013. – 600 с.

Карпова Л.Л. Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка // ЛУ. – 2016. – № 3 (LII). – С. 209–227.

Лыткин В.И., Тепляшина Т.И. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – Вып. 19. – С. 218–227.

Списокъ 1876 – Списокъ населенныхъ мѣстъ по сведеніямъ 1859–1873 годовъ: Вятская губернія. – Санктпетербургъ, 1876. – СХХIV. – 993 с.

Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1957. – Вып. 18. Филология. – С. 156–196.

Тепляшина Т.И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970. – Вып. 21. Филология. – С. 114–140.